

стр. 73—объ устрицъ), то можно покончить съ вопросами размноженія.

Но значительная часть книги посвящена вопросу объ онанизмѣ, и эта часть, пожалуй, еще противнѣе первой. Господь полагалъ, что человѣкъ благодаря своей рукѣ можетъ безконечно возвыситься надъ животными. Но какъ это ни странно (дѣйствительно, странно!), нѣкоторые люди злоупотребляютъ своими руками и черезъ ихъ посредство падаютъ ниже уровня самыхъ низшихъ животныхъ... Они поступаютъ такъ, когда дѣлаютъ предметомъ забавы свои половые органы, вслѣдствіе чего они возбуждаются и находятъ въ этомъ мимолетное удовольствіе" (стр. 111) и т. д. на многихъ страницахъ. „Странно сказать, но человѣкъ есть единственное животное, которое постоянно и упорно развращается и оскверняетъ свое тѣло; и это было бы ему невозможно дѣлать, если бы Господь не даровалъ ему руки, которую Онъ предназначилъ, конечно, не для этого" и т. д. (стр. 108).

Для какихъ дѣтей предназначается это чтеніе? Если эту книгу прочтетъ мальчикъ, не знающій онанизма, то она его только введетъ въ соблазнъ, потому что „мимолетное удовольствіе" для него понятнѣе, чѣмъ опасеніе того, что когда-нибудь дѣти его будутъ идиотами. Если дать эту книгу мальчику, уже познавшему „мимолетное удовольствіе", то для него, конечно, будущіе страхи никакъ не покажутся убѣдительнѣе реальнаго удовольствія, хотя и мимолетнаго.

Но самое интересное во всемъ этомъ то, что на самомъ дѣлѣ вредъ онанизма чрезвычайно преувеличенъ и въ книгѣ Столла и въ воображеніи нѣкоторыхъ рецензентовъ, и, конечно, такой авторитетъ, какъ профессоръ В. Бехтеровъ, давшій сочувственный отзывъ о книгѣ Столла, могъ бы наилучше пролить свѣтъ на преувеличенность страховъ мистера Столла.

Не знаю, насколько убѣдительно удалось мнѣ охарактеризовать книгу Столла, но надѣюсь, что, прочитавши самую книгу, русскій читатель поддержитъ мое мнѣніе, что эту книгу слѣдуетъ отнести не къ серіи книгъ подъ названіемъ: „Истина и цѣломудріе", а скорѣе къ книгамъ, заслуживающимъ названія: „Вздоръ и лицемеріе".

Викторъ Вальтеръ.

А. Богдановъ. Культурныя задачи нашего времени. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Москва. 1911 г. Ц. 60 коп. — Читатели помнятъ, навѣрно, жантильнаго помѣщика изъ комедіи „Лѣсъ" Островскаго. Помѣщикъ этотъ

состоитъ при Рансѣ Павловнѣ Гурмыжской въ качествѣ поэтическаго „вдохновителя". Это выражается въ томъ, что онъ произноситъ постоянно одну и ту же фразу или, точнѣе, начало фразы:

— Ранса Павловна, все высокое и все прекрасное!..

Этотъ жантильный помѣщикъ все время вспоминался мнѣ, когда я читалъ книжку, заглавіе которой поставлено выше. Г-нъ А. Богдановъ въ этой книжкѣ играетъ ту же роль, что и „эстетическій" персонажъ Островскаго, — только, къ сожалѣнію, г. Богдановъ хочетъ выполнять эту роль не при уѣздной дамѣ, а при... российскомъ, — если даже не міровомъ. — пролетаріатѣ. На всемъ протяженіи 92-хъ страницъ своей „новой" книжки г. Богдановъ, въ сущности, не выясняетъ ни одного изъ тѣхъ понятій, съ коими онъ оперируетъ, и ограничивается повторяемыми на разные лады вздохами на тему объ „истинно-пролетарской наукѣ", „истинно-пролетарской философіи", искусствѣ, культурѣ.

— Ранса Павловна, т.-е. виновать, товарищи-пролетаріи! Все высокое и все прекрасное!..

Слово „новая" (книжка) выше я поставилъ въ кавычкахъ потому, что эта книжка представляетъ собою, на дѣлѣ, лишь обзоръ прежнихъ сочиненій и статей г. Богданова, сдѣланный имъ, такъ сказать, „съ птичьего дузю". Объясняется это тѣмъ, что авторъ, повидимому, самъ очень плохо разграничиваетъ тѣ различные предметы, о которыхъ онъ пишетъ въ различное время и, въ итогѣ, все у него спутывается въ какую-то умственную неразбериху, все у него — „едино".

Собравшись писать о „пролетарской культурѣ", г. Богдановъ, оказывается, не въ состояніи даже дать опредѣленіе этого понятія и отграничить ясно тему, сюжетъ своей книжки. Сперва „культура" у него это — „вся сумма" приобретеній, матеріальныхъ и нематеріальныхъ, которыя сдѣланы человѣчествомъ въ процессѣ труда и которыя возвышаютъ и облагораживаютъ его жизнь (значитъ все „высокое и все прекрасное"!), давая ему власть надъ стихійной природою (а еще, вѣроятно, бываетъ природа нестихійная! Г. А.) и надъ самимъ собою". Опредѣленіе это нелѣпо, ибо внутренне противорѣчиво: далеко не всѣ „приобрѣтенія", „облагораживаютъ" жизнь „человѣчества", какъ извѣстно, ибо чело-вѣчество само не есть что-то единое, и многія приобретѣнія, возвышая одни

элементы „человѣчества“, у н и ж а л и другие его „элементы“. Если считать „культурой“ только то, что „облагораживает“, то такіа выраженія, какъ „крѣпостная культура“, теряютъ смыслъ, между тѣмъ, съ историческо-классовой точки зрѣнія они вполне законны.

Далѣе, г. Богдановъ „суживаетъ“ свое опредѣленіе культуры и сводитъ ее къ „духовной культурѣ“, но и здѣсь опредѣленіе остается безбрежнымъ, ибо „духовная культура“ у г. Богданова, это—міровоззрѣніе, художественное творчество, эстетическія, политическія отношенія и т. п. „(?)—то, что всего точнѣе (!) обозначается, какъ „идеологія“, общественное сознание людей“. По мнѣнію г. Богданова, такой смыслъ понятія „культура“ (т. е. ея равенство „идеологій“) является „наиболѣе общепринятымъ“ к ѣ м ѣ, когда? (Г. А.). Законность сведенія „культуры“ къ „идеологій“ г. Богдановъ мотивируетъ еще однимъ весьма темнымъ доводомъ, заключающимся въ томъ, что „вопросовъ матеріальной культуры... не приходится изслѣдовать въ общей формѣ, какъ социально-культурная задачи“ (sic!), а „вопросы идеологій“, напротивъ, „всегда тяготеютъ къ системѣ, къ единству“. Что на дѣлѣ далеко не всякая „идеологія“ тяготеетъ къ системѣ, къ единству“, а бываютъ и безсистемныя, тяготеющія къ мѣшанскому эклектизму, это, впрочемъ, не стоитъ и доказывать, ибо идеологія г. Богданова сама служить нагляднымъ примѣромъ такой безсистемности и эклектизма. А что включеніе въ духовную культуру и художественнаго творчества и „политическихъ отношеній“ представляетъ собою не опредѣленіе, а кашеобразное сочетаніе разныхъ понятій и признаковъ, это тоже довольно ясно. Взять хотя бы, напримѣръ, международный торговый договоръ или международный почтовый тарифъ: эти явленія входятъ въ понятіе политическихъ отношеній, но врядъ ли ихъ можно включить (безъ искусственнаго расширенія понятія) въ „духовную культуру“. Подобныхъ примѣровъ можно привести тысячи.

Но дѣло не въ этомъ, въ концѣ концовъ, а просто въ томъ, что г. Богдановъ „своимъ умомъ дошелъ“ до „особаго“ пониманія генезиса „идеологій“ и пользуется темой о культурѣ лишь для того, чтобы еще разъ повторить то, что онъ много разъ и не очень успѣшно старался доказать. Духовная культура или (что то же для г. Богданова) идеологія есть „организующая форма“ социальной жизни, — говоритъ г. Богдановъ. По существу, это то же самое, что, напримѣръ, говорятъ буржуазные

юристы въ учебникахъ правовѣдѣнія, описывая „право“, какъ „совокупности, юридическихъ формъ, опредѣляющихъ отношенія между людьми“. Опредѣленіе—пустое, чисто формальное, и, если его раскрыть, то оно превращается въ простую тавтологію. Но въ такомъ опредѣленіи, кромѣ того, есть несомнѣнный дуализмъ (противопоставленіе „организующаго“ начала „организуемому“ содержанію), и г. Богдановъ въ правѣ считать это чѣмъ угодно, но не эмпирио-монизмомъ. Слово „монизмъ“ тутъ не при чемъ. Впрочемъ, г. Богдановъ и самъ предвидитъ (см. стр. 22 его брошюры) указаніе на дуалистичность его опредѣленія „культуры“ (= „идеологій“), но считаетъ „безспорнымъ“ и „обязательнымъ“ такое опредѣленіе, потому, видите ли, что на такой точкѣ зрѣнія „основана и вся современная биологическая точка зрѣнія и социально-научная“. Вѣдь, де-сказать, ученые буржуазные профессора такъ же думаютъ, — чего жъ вы отъ меня хотите?

Мы, марксисты, ничего не хотимъ, въ сущности, отъ г. Богданова, кромѣ того, чтобы онъ не выдавалъ съ такой претенціозностью свои взгляды за „истинно-пролетарскіе“.

Представленіе о духовной культурѣ, какъ о социально организующей формѣ, даетъ г. Богданову опору для слѣдующей „естественной и понятной“ будто бы формулировки историческаго развитія культуры: „Естественно и понятно, — пишетъ г. Богдановъ, — что коллективы, различные по всей совокупности условій своего существованія, равно какъ и по своимъ интересамъ, по своимъ стремленіямъ, нуждаются для своей организаціи въ несходныхъ формахъ (!) культуры“. И въ подтвержденіе приводится примѣръ наивной-религіознаго міровоззрѣнія феодаловъ, не подходящаго для организаціи пролетаріата машиннаго производства. Но этотъ примѣръ какъ-разъ и бьетъ самого г. Богданова, разбивая его пустое, чисто формальное и словесное пониманіе культуры. Вѣдь, вопросъ о культурѣ сводится не къ формѣ, а къ классовому содержанію различныхъ историческихъ культуръ. И разница между наивной религіей феодала и матеріализмомъ передового пролетаріата есть разница вовсе не формальнаго свойства.

Давши пустое опредѣленіе основнаго понятія, авторъ затѣмъ столь же пусто опредѣляетъ и два историческихъ типа культуры—культуру феодальнаго общества и культуру буржуазнаго. Каутскій въ небольшой статьѣ своей о классахъ и партіяхъ,

напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Neue Zeit“ (русскій переводъ въ сборникѣ „Очер. проблемы междунар. социализма“), далъ въ тысячи разъ болѣе конкретную и ясную характеристику классовыхъ „идеологій“, и жалъ, что г. Богдановъ, повидимому, не читалъ этой статьи, — она избавила бы его отъ печальной необходимости писать пустяки.

Что касается главной части книжки, то она производитъ, во-первыхъ, несерьезное, а, во-вторыхъ, непріятное впечатлѣніе. Не серьезны разсужденія автора потому, что онъ обходитъ (или, быть можетъ, даже не понимаетъ) основной вопросъ — о связи между духовной культурой и ея матеріальнымъ базисомъ. Повидимому, для г. Богданова даже не существуетъ — обычно наиболее важнаго для социалистовъ — вопроса объ экономической подоплѣкѣ культурныхъ цѣнностей и ихъ выработки. Ему кажется „страннымъ“ указаніе на то, что пролетаріатъ въ современномъ обществѣ, т.-е. въ современномъ, ограниченъ въ созиданіи своихъ культурныхъ цѣнностей матеріальными условіями производственныхъ отношеній и своего классоваго положенія (указаніе это сдѣлано было еще Каутскимъ въ „Эрфуртск. программѣ“ и два года тому назадъ въ нѣсколько иной постановкѣ повторено Розой Люксембургъ въ статьѣ: „Rozwój i postępowanie w marksizmie“ — въ краковскомъ журналѣ „Przegląd Socjaldemokratyczny“). Слѣдуя примѣру буржуазныхъ метафизиковъ-идеалистовъ, г. Богдановъ, несомнѣнно, тоже склоненъ думать, что „духовная культура“ свободна отъ давленія такихъ „пустяковъ“, какъ экономическія силы; „идеи“ — свободны и ни отъ чего не зависимы! Попутно г. Богдановъ жалуется на „діалектическихъ матеріалистовъ“, т.-е. марксистовъ, за то, что они злоумышленно скрываютъ „истинно - пролетарское“ творчество въ области марксистской философіи, „тщательно охраняя отъ попытокъ такого ея развитія, которое могло бы повлечь за собою критику самихъ ея основъ“. Жалоба, согласитесь, странная! Хороши „попытки развитія“ марксизма, которыя направлены на разрушеніе „самыхъ основъ“ „развиваемаго“. Конечно, для марксизма никакія попытки „разрушенія“ (особенно со стороны г. Богданова) не страшны, но щелкать по лбу тѣхъ, кто желаетъ въ такомъ духѣ „развивать“ основы марксистскаго ученія, въ правѣ каждый марксистъ. Жаловаться и обижаться тутъ не на что, — самъ пользъ!

Но гораздо хуже то, что г. Богдановъ

новъ для удобства полемики и легкости писанія брошюрь фальсифицируетъ мысли марксистовъ. Ихъ взглядъ на зависимость „культуры“ отъ „экономики“ онъ изображаетъ, какъ утвержденіе, будто пролетаріату „нѣтъ необходимости создавать новое культурное содержаніе“, какъ „глубокое недовѣріе къ его творческимъ силамъ“, какъ „весьма низкую оцѣнку культурно-творческихъ способностей рабочаго класса“, какъ „опеку“ надъ нимъ со стороны теоретиковъ марксизма и т. д. Это пошло и противно, ибо демагогично до подхалимства. Вѣдь, вы, г. Богдановъ, все-таки не къ „Раисѣ“ же Павловнѣ Гурмыжской! обращаетесь, а къ рабочимъ! Въ лучшемъ случаѣ вы уподобляетесь народолюбивымъ дамамъ стараго времени, увѣрившимъ, что мужикъ — „святъ“, что въ немъ уже теперь — истинная „правда“; въ худшемъ же случаѣ вы просто придерживаетесь „придворнаго“ правила: польсти — получи! Но лести и подхалимство пролетаріату не нужны. Да отъ нихъ даже и не пролетарія стошнить, особенно ежели они примѣняются въ такомъ количествѣ, какъ вы это дѣлаете. Неприлично это, — бросьте эту манеру!

Въ заключеніе г. Богдановъ призываетъ пролетаріатъ не слушать „марксистовъ“ и немедленно приняться за созданіе своей „науки“ (въ томъ числѣ пролетарскаго естествознанія и пролетарской математики), своего искусства и т. д. Марксистская же наука г. Богданову не по душе, потому что она, видите ли, выясняетъ больше связь идеі „съ классовыми интересами“, т.-е. съ „выгодностью“ ихъ для того или иного класса, тогда какъ надо связывать ихъ „съ классовымъ способомъ мышленія“. Здѣсь все — характерно: и вульгарно-лавочническое пониманіе великой идеі о „классовыхъ интересахъ“, какъ узкой „выгоды“ (это выходитъ вродѣ того, какъ мѣщанки выражаются: „И какой мнѣ въ эфтомъ „антиресь“!), и подмѣна активнаго понятія классовыхъ интересовъ, т.-е. классовой борьбы, пассивнымъ понятіемъ „способа мышленія“.

Если прибавить къ этому, что наряду съ увѣреніями, будто пролетаріатъ уже и въ капиталистическомъ обществѣ создастъ свою „культуру“, г. Богдановъ неоднократно подчеркиваетъ, что это произойдетъ черезъ „накопленіе неулловимо малыхъ величинъ“, то бернштейнѣанско - културтрегерскій смыслъ „новой“ культурной проповѣди ясенъ. И я не удивлюсь, ежели г. Поссе, взывающій уже давно къ „братцамъ - рабочимъ“ о томъ, чтобы

они не пили вина, не курили папиросы, чистили зубы щеткой и носили фланелевые набрюшники, протянешь руку г-ну Богданову и воссоединится съ нимъ для „неуловимо малаго“ культурнаго творчества.

Долженъ еще отмѣтить неприятную склонность г-на Богданова приводить (въ качествѣ живого примѣра „пролетарской культуры“, что ли?) факты изъ своей біографіи, вродѣ того, напр., что какъ-то еще давно онъ былъ въ какой-то организаціи и члены ея хотѣли его исключить за то, что онъ храбро объявилъ свое отрицаніе „нравственныхъ принциповъ“, какъ „соціального фетиша“; къ счастью для г. Богданова, онъ „только по счастливой случайности успѣлъ, поругавшись съ руководителемъ, по собственной инициативѣ уйти изъ организаціи“ и т. д. (стр. 82). Ну, удалось самому уйти, и слава Богу! Зачѣмъ же публикѣ-то объ этомъ рассказывать, да еще въ видѣ иллюстраціи къ созиданію пролетарской культуры. Въ другомъ мѣстѣ г. Богдановъ, говоря о недавно организованныхъ одна за другой двухъ марксистскихъ „школахъ для рабочихъ, наивно и съ несомнѣнными прикрасами рассказываетъ о тѣхъ истинно-коллективистическихъ и культурно-пролетарскихъ отношеніяхъ, какія были въ этихъ школахъ между лекторами и слушателями. Были двѣ школы, принесли слушателямъ пользу, сдѣлано было небольшое, но важное, конечно, практическое дѣло. Вотъ и все. А г. Богдановъ размазываетъ благолѣпно-идиллическую картину. Даже неловко становится.

Дѣловыя предложенія г. Богданова сводятся къ двумъ проектамъ: къ проекту новаго (рабочаго) университета и къ проекту „великой новой энциклопедіи“. Суть „новизны“ университета, по „идеѣ“ г. Богданова, будетъ заключаться въ томъ, что тамъ не будетъ „идейно-авторитарныхъ“ отношеній между профессорами и учениками-рабочими, и что ученики будутъ „истинными товарищами“ своихъ лекторовъ. А суть новой энциклопедіи въ томъ, что, хотя ее будутъ по-старому составлять интеллигенты — теоретики марксизма, но г. Богдановъ посадить ихъ подъ „руководство („фактическое“) и контроль“... „чистыхъ представителей класса (п о д р а з у м ѣ в а е т с я , р а б о ч а г о . / . А.) коренныхъ элементовъ коллектива“. А для успѣха писанія „новой энциклопедіи“ интеллигентамъ рекомендуется не избѣгать и пользованія буржуазными энциклопедіями и „научно-философскими бібліотеками“ (спеціально указывается г. Бог-

дановымъ парижское изданіе, выходящее подъ редакціей Густава Ле-Бона). Эти бібліотеки полезны и для пролетарскихъ „энциклопедистовъ“ потому, что ихъ составляютъ какія-то „промежуточныя“ интеллигентскія группы („расположенныя въ промежутокъ—sic!—между буржуазіей и рабочимъ классомъ“).

Для общей характеристики новой книжки г. Богданова я могу лишь взять его собственные уже слова: „Такое индивидуализмъ интеллигента, что онъ непременно долженъ проявить оригинальность мысли“.

У Гоголя это сказано, какъ извѣстно, иначе: „своимъ умомъ дошелъ!“ Эту похвалу я охотно удѣляю и г. Богданову.

Цѣна книжки (60 коп.) немного выскока (особенно съ точки зрѣнія пролетарской культуры), но это лучше. Меньше народу даромъ затратить деньги.

Г. Алексинскій.

Освобожденіе крестьянъ. Сборникъ статей. Изд. «Жизни для всѣхъ». Спб.— Изъ шести статей, содержащихся въ этомъ сборникѣ, особенный интересъ по темѣ представляетъ ст. г. Игнатовича: „Борьба крестьянъ за свое освобожденіе“, въ которой сдѣлана попытка выяснить отношеніе самихъ крестьянъ къ крѣпостному праву и тѣ формы протеста противъ него со стороны крестьянъ, которая, въ глазахъ автора, являются факторомъ, подготовившимъ ихъ освобожденіе и вліявшимъ на ходъ самаго дѣла освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Перебравъ всѣ формы такого протеста въ николаевское время, какъ-то: жалобы крестьянъ, ихъ побѣги, поджоги помѣщичьихъ усадебъ, убійства и всякаго рода расправы съ помѣщиками и вотчинными властями, авторъ отмѣтилъ рядъ такъ называемыхъ волненій или — вѣрнѣе — неповиновеній крестьянъ помѣщичьей власти за періодъ съ 1826 г. по 1854 г. на основаніи извѣстнаго уже въ печати матеріала, и приходитъ къ заключенію, что „волненія николаевского времени, разросшись въ количествѣ, не углубились, однако, ни по силѣ сопротивленія ни по сплоченности населенія. Они попрежнему были мирны по формѣ, слабы по силѣ сопротивленія, крайне разрозненны и рѣдко выходили за предѣлы отдѣльныхъ крѣпостныхъ ячеекъ“ (стр. 41). Очевидно, борьбы въ тѣсномъ смыслѣ слова не было, а были вызывавшія эксцессы крѣпостного права отраженія со стороны крестьянъ въ случаяхъ злоупотребленій помѣщичьей властью.